

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.2/.7 : 341.4

DOI 10.51980/2542-1735_2023_1_67

Павел Владимирович ТЕПЛЯШИН,

профессор кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент

pavlushat@mail.ru

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

CRIMINAL LAW OF THE MEMBER STATES OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

В статье изложены факторы, обуславливающие целесообразность проведения компаративистского исследования уголовных законов государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности. Проведен контрастирующий анализ основных юридических положений Общих и Особенных частей Уголовных кодексов республик Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Российской Федерации. Отдельные уголовно-правовые институты подвергнуты критическому рассмотрению. Сформулированы аргументы в пользу законодательного закрепления соответствующих категорий в уголовном законодательстве отдельных стран.

The article outlines the factors determining the expediency of conducting a comparative study of criminal laws of the member states of the Collective Security Treaty Organization (CSTO). A contrasting analysis of the main legal provisions of the general and special parts of the Criminal Codes of the Republics of Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and the Russian Federation is carried out. Certain criminal-legal institutions are subjected to critical examination. Arguments in favor of the legislative consolidation of the relevant categories in the criminal legislation of individual countries are formulated by the author.

Ключевые слова: гармонизация уголовного законодательства, Парламентская Ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности, принцип уголовного права, противодействие наркопреступлениям, уголовно-правовой запрет.

Keywords: *harmonization of criminal legislation, CSTO Parliamentary Assembly, principle of criminal law, counteraction to drug-related crimes, criminal prohibition.*

Целесообразность обращения к сравнительно-правовому анализу уголовного законодательства государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ, Организация) обусловлена рядом следующих основных факторов.

Фактор 1: гносеологический. Данный анализ представляет познавательный интерес для науки уголовного права. Так, все государства – члены ОДКБ являются бывшими союзными республиками СССР, после прекращения существования которого правовые системы данных стран приобрели собственные суверенные векторы развития. Не случайно В.В. Хилюта достаточно точно отмечает, что «современное состояние отечественного уголовного права характеризуется несколькими концептуальными противоречиями, которые пересекаются еще со времен советской школы уголовного права, но полностью не совпадают с глубинными процессами модернизации существующих общественных отношений» [7, с. 157].

Следовательно, видится теоретически востребованным рассмотрение амплитуды развития уголовного законодательства государств – членов Организации, направлений трансформации основных уголовно-правовых институтов в современных условиях.

Фактор 2: практический. Государства – члены ОДКБ находятся в состоянии международной коллаборации, их объединяют в основном общие интересы и решение взаимовыгодных задач. Соответственно, система антинаркотической и антитеррористической безопасности на межгосударственном уровне в регионе стратегических интересов нескольких государств, объединенных существующими правоохранительными традициями и историческим прошлым, в определенной степени должна опираться на единообразные законодательные подходы, в том числе в уголовном законодательстве. Согласно ст. 10 Устава Организации Договора о коллективной безопасности, подписанного 7 октября 2002 г., «государства-члены принимают меры по ... гармонизации национального законодательства по вопросам обороны, военного

строительства и безопасности». Думается, что данные меры могут касаться и уголовного законодательства, которое ориентировано на защиту национальных интересов, в том числе на укрепление обороны и безопасности государств – членов Организации. В этом направлении делаются определенные практические шаги. Так, согласно пп. 20-21 Программы деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ на 2021-2025 годы Парламентская Ассамблея ОДКБ выступает ответственным субъектом за разработку рекомендаций по гармонизации уголовного законодательства государств – членов ОДКБ, устанавливающего ответственность за преступления против военной службы, а также за преступления против мира и безопасности человечества. Причем попытки подобной гармонизации имели место уже достаточно давно. Например, можно привести постановление Межпарламентской Ассамблеи государств СНГ – членов Организации Договора о коллективной безопасности и Комитета секретарей Советов безопасности государств – членов ОДКБ от 16 апреля 2004 г. N 2 «О проекте Рекомендаций по унификации и гармонизации законодательства государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере борьбы с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ», в котором справедливо отмечается, что ключевой проблемой в области законодательного контроля над наркотиками в государствах – членах ОДКБ оказывается путаница в терминах и основных моментах нормативно-правового регулирования оборота и противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. При этом согласимся со справедливым высказыванием Е.С. Пустовойт о том, что «наркопреступность представляет собой совершенно особый объект криминологического исследования, так как имеет особого субъекта и носит транснациональный характер» [4, с. 125]. Такая ситу-

ация создает противоречия в правовых системах наших стран, мешающие эффективно бороться с наркопреступностью.

Однако приходится быть реалистом и не идеализировать относительно наличия общих пассивных уголовно-правовых подходов и солидаризма в моделях уголовно-правового воздействия на общественные отношения соответствующих государств. Данный тезис может быть подкреплен компаративистским анализом уголовного законодательства государств – членов ОДКБ.

В первую очередь необходимо обратиться к задачам уголовного законодательства. Так, защита либо охрана предусмотренных законом интересов, предупреждение преступных посягательств являются одними из задач уголовного законодательства всех государств – членов ОДКБ. Причем даже при дальнейшей разработке национального уголовного законодательства разработчики не отказываются от его предупредительной направленности. Например, при разработке нового Уголовного кодекса Республики Таджикистан исследователями отмечается, что «ожидаемыми результатами внедрения проекта Уголовного кодекса могут стать: улучшение направленности и ориентированности предупреждения преступности» [3, с. 44].

Однако в уголовных законах республик Армения и Киргизия дополнительно можно обнаружить такую задачу, как восстановление справедливости, нарушенной преступлениями. Более того, в ст. 2 Уголовного кодекса Республики Армения закрепляется задача обеспечения реинтеграции в общество и ресоциализации лица, совершившего преступление, что свидетельствует о высокой исправительно-профилактической направленности соответствующего законодательства. В свою очередь, в уголовных кодексах республик Беларусь и Таджикистан закреплена задача воспитания граждан в духе соблюдения законодательства, что логично вторит существованию воспитательной функции права.

Нельзя обойти вниманием сравнительно-правовой анализ принципов уголовного законодательства, которые не предусмотрены только уголовным законом Республики

Казахстан. Как представляется, такое исключение из общего правила вызвано законодательным подходом, согласно которому основополагающие идеи предусмотрены конкретными уголовно-правовыми институтами, закрепленными в Общей части уголовного закона. Например, ч. 2 ст. 39 Уголовного кодекса Республики Казахстан закрепляет идею о том, что «наказание не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства», фактически отражающую принцип гуманизма. Главный научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан С.М. Рахметов отмечает, что в Уголовном кодексе Республики Казахстан «отсутствуют специальные нормы, посвященные принципам уголовного права, хотя в некоторых статьях Общей части УК сформулированы отдельные принципы уголовного права. При этом они не указываются как принципы», поэтому он считает «необходимым дополнить УК нормами, регулирующими принципы уголовного права» [5].

Законность как важнейший принцип, а также идеи справедливости и вины (виновной ответственности) предусмотрены уголовным законодательством всех остальных государств – членов ОДКБ. При этом предусмотренный отдельной статьей Уголовного кодекса Кыргызской Республики принцип юридической определенности (ст. 3), по сути, выступает содержательным развитием принципа законности, сформулированного в ст. 2. Следует приветствовать такой прием юридической техники, направленный на правовую детализацию основополагающих уголовно-правовых идей. Ведь, как верно отмечает Н.Г. Иванов, руководящая идея «правовой определенности является общепризнанной правовой концепцией как в романо-германской правовой системе, так и в общем праве» [2, с. 161].

Принципы равенства граждан перед законом и гуманизма не закрепляются в Уголовном кодексе Армении, в котором можно встретить такую основополагающую идею, как индивидуализация ответственности. В свою очередь, принцип неотвратимости от-

ветственности содержится в уголовных законах республик Беларусь, Киргизия и Таджикистан, а принцип личной ответственности – в уголовных законах республик Армения, Киргизия и Таджикистан. Обращает на себя внимание тот факт, что в Уголовном кодексе Республики Таджикистан закреплен принцип демократизма, который в ст. 10 сформулирован следующим образом: «В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом [уголовным – П.Т.], к исправлению лиц, совершивших преступления, привлекаются политические партии общественные объединения, органы самоуправления граждан или коллективы по их ходатайству и с их согласия». Как представляется, этот принцип необходимо относить к основополагающим идеям уголовно-исполнительного законодательства. Например, можно обнаружить его закрепление в ст. 8 УИК РФ.

Выявленный плюрализм принципиальных уголовно-правовых положений объясняется информативным отражением в принципах уголовного права особенностей социального и экономического развития, культурного и политического состояния общества. Государства – члены ОДКБ, безусловно, обладают такими особенностями. Более того, нельзя не согласиться с мнением В.Н. Воронина, который указывает, что «единого определения принципов на сегодняшний день в науке не выработано» [1, с. 70]. Это приводит к объективной допустимости законодателю того или иного государства формировать различные комбинации принципов и наполнять их несколько отличным содержанием.

Особый научный интерес вызывают подходы законодателя рассматриваемых государств к категории «преступление». Так называемый материальный признак преступления – общественная опасность – характеризует преступление в уголовных кодексах всех государств – членов ОДКБ, за исключением Республики Армения. Думается, что отсутствие данного признака свидетельствует о попытке армянского законодателя освободить правоприменителя от использования оценочных определений, к которым допустимо относить общественную опасность. Однако не совсем

ясно, почему при характеристике малозначительного деяния в ч. 2 ст. 16 Уголовного кодекса Республики Армения («Преступлением не считается деяние, которое формально и содержит признаки, предусмотренные Особенной частью настоящего Кодекса, но вследствие своей малой опасности не причинило и не могло причинить существенного вреда физическому или юридическому лицу, обществу или государству») используется фактически оценочный признак «малая опасность».

Уголовное законодательство всех государств – членов ОДКБ при закреплении понятия «преступление» использует такие признаки, как «деяние», «наказуемость» («угроза наказания») и «виновность», что является логичным отражением того факта, что все кодексы фиксируют принцип вины. Также необходимо заметить, что в некоторых кодексах используется не только признак «деяние», но и уточняются его формы – действие или бездействие (уголовные законы республик Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан). При этом ст. 18 «Деяние» Уголовного кодекса Республики Армения не только закрепляет формы деяния, но и дает характеристику бездействия.

Такой признак, как «запрещенность», отсутствует только в определении преступления, закрепленного в Уголовном кодексе Кыргызской Республики, что демонстрирует желание законодателя уйти от формальной избыточности соответствующих признаков, поскольку при раскрытии понятия преступления используется словосочетание «предусмотренное уголовным законом».

Следует учитывать, что в уголовном законодательстве Республики Казахстан преступление выступает одной из разновидностей уголовных правонарушений. Соответственно, другой разновидностью является уголовный проступок, под которым признается, согласно ч. 3 ст. 10 Уголовного кодекса Республики Казахстан, совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству,

за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста, выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства.

В уголовном законодательстве всех государств – членов ОДКБ присутствует категоризация (или, иначе говоря, классификация) преступлений. В основном с некоторыми вариациями наименования закрепляются четыре разновидности преступлений – небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие. За преступления небольшой тяжести предусмотрено лишение свободы до двух лет (в России – до трех лет) либо более мягкое наказание. Однако преступления небольшой тяжести в Уголовном кодексе Кыргызской Республики не предполагают назначение наказаний, связанных с лишением свободы. Обращают на себя внимание особо тяжкие преступления, за которые в уголовном законодательстве республик Беларусь, Казахстан, Таджикистан предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком свыше 12 лет либо более строгое наказание, в уголовных кодексах остальных государств данная категория преступления предполагает уголовное наказание в виде лишения свободы сроком свыше 10 лет либо более строгое наказание.

Также необходимо отметить, что только в уголовном законодательстве России судам допускается при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменять категорию преступления на менее тяжкую.

Отдельной особенностью уголовной ответственности является, в частности, регламентированная Уголовным кодексом Республики Армения возможность не только физического, но и юридического лица выступать субъектом преступления. Данный факт уже был объектом подробного исследования [6], поскольку, действительно, привлечение юридического лица к уголовной ответственности является неким резервом уголовно-правового регулирования общественных отношений, способом повышения эффективности противодействия криминальным вы-

зовам и угрозам. Соответствующий научный интерес вызывают особенности реализации уголовной ответственности юридических лиц, закрепленные в седьмом разделе уголовного закона.

Согласно уголовно-правовым установлениям Республики Беларусь уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает только в случае, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение. В условиях повсеместной реализации административной преюдиции в уголовном праве такой опыт «завязывания» данного института на конкретной категории представляет значительную научную значимость. Более того, нельзя обойти вниманием и распространение данного института не только на административные правонарушения, но и на дисциплинарные проступки.

Одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния в Уголовном кодексе Республики Казахстан, является осуществление оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий. Реализация данных мероприятий, безусловно, исключает наступление уголовной ответственности лиц, их осуществляющих, в каждом из государств – членов ОДКБ, но непосредственное закрепление данного обстоятельства в уголовном законе, как представляется, повышает степень законности проводимых мероприятий, а также упрочивает защищенность сотрудника уполномоченного государственного органа либо иного лица, сотрудничающего с этим органом, что может являться объектом более развернутого научного анализа.

В уголовных законах республик Армения и Киргизия самостоятельные статьи посвящены конкуренции уголовно-правовых норм. Данная официальная конкретизация, бесспорно, положительно сказывается на правильной квалификации преступлений, поскольку у правоприменителя имеется четкий ориентир для уголовно-правовой оценки ситуаций с множественностью преступлений –

а преодоление конкуренции и разграничение смежных составов преступлений относится к наиболее сложным вопросам квалификации.

Приступая к характеристике системы уголовных наказаний, целесообразно отметить некоторые их отличия. Так, среди наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специальных званий и различных квалификаций, а также общественных или обязательных работ предусмотрены уголовными законами всех государств – членов ОДКБ. Однако исправительные работы отсутствуют в Уголовном кодексе Республики Армения, тогда как принудительные работы закреплены только в Уголовном кодексе Российской Федерации, а лишение гражданства – в Уголовном кодексе Республики Казахстан. Конфискация имущества фактически предусмотрена нормами всех рассматриваемых уголовных законов, но в ряде государств она закрепляется именно как уголовное наказание, в остальных – как иная мера уголовно-правового характера. Также обращается внимание на то, что ограничение по военной службе включено в систему уголовных наказаний только четырех стран.

В группе наказаний, связанных с изоляцией либо ограничением осужденного от общества, ограничение свободы и лишение свободы на определенный срок предусмотрены уголовными законами всех государств – членов ОДКБ. Посредством различных сочетаний данных уголовных наказаний их количество в каждой из стран примерно одинаковое. Например, отсутствие такого наказания, как арест, в Уголовном кодексе Республики Армения компенсируется за счет наказания в виде краткосрочного лишения свободы, назначаемого на срок от 15 дней до 2 месяцев. В связи с этим важно заметить, что в Российской Федерации и Республике Казахстан арест хоть и закреплен в уголовном законодательстве, но относится к так называемым «отложенным» уголовным наказаниям, то есть не применяющимся на практике. Некоторым исключением выступает назначение ареста в отношении очень немногочисленного числа

российских военнослужащих, которые отбывают данное наказание на гауптвахте.

В Республике Беларусь реализуется уголовное наказание в виде ареста. Так, в соответствии с белорусским уголовным законодательством в 2021 г. это наказание было назначено 6663 осужденным. Данный правоприменительный опыт является образцом правильного законодательного и исполнительного тандема, при котором реализуется как закрепление соответствующей формы уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление, так и фактическое применение такого воздействия.

Предметный научный интерес вызывают масштабы реализации такого наказания, как лишение свободы на определенный срок. Ведь именно практическое воплощение данного наказания, являющегося мерилom совершенного преступления и современным талионом тяжести общественно опасного деяния, демонстрирует реагирование государства на факты криминальных проявлений. Так, в настоящее время в Республике Беларусь коэффициент приговоренных к лишению свободы, то есть количество осужденных на 100 тысяч населения, составляет 345 лиц, в Российской Федерации – 304, в Республике Казахстан – 184, в Кыргызской Республике – 161, в Республике Таджикистан – 141, в Республике Армения – 71. Указанные показатели отражают очевидные закономерности значительного снижения коэффициента осужденных к лишению свободы за последние двадцать лет. Например, если в 2000 г. в исправительных учреждениях Республики Казахстан коэффициент лиц, изолированных от общества по приговору суда, составлял 520 человек, то по состоянию на 2021 г. – только 184. И такое снижение повсеместно (в 2000 г. данный показатель составлял: в России – 729, в Белоруссии – 566, в Казахстане – 520, в Киргизии – 402, в Таджикистане – 175, в Армении – 236), что показывает возрастание гуманизма при назначении пенальных уголовных наказаний во всех государствах – членах ОДКБ и реальную эффективность уголовно-правовой профилактики преступного поведения граждан.

Обращаясь к Особенной части уголовных законов, можно отметить несколько общих и частных отличительных моментов. Так, в уголовных законах республик Армения и Беларусь Особенную часть открывают разделы, посвященные преступлениям против мира и безопасности человечества, тогда как в остальных уголовных кодексах на первом месте закрепляются преступления против личности. Также обращает на себя внимание различное количество разделов и глав, наполняющих Особенную часть уголовных кодексов рассматриваемых государств. Искать причины отличий в структуре особенных частей практически не имеет смысла, поскольку каждая из них обладает, безусловно, уникальным построением, информативно отражающим социально-экономические, культурно-духовные, политические и иные условия развития каждого из государств – членов ОДКБ.

В частности, даже такое достаточно очевидное и обладающее высокой общественной опасностью преступление, как убийство, формулируется по-разному, и, обратим внимание, нет ни одной полностью совпадающей диспозиции соответствующих уголовно-правовых норм. В данной ситуации целесообразно выяснить, насколько эффективно реализуется уголовно-правовая профилактика убийств именно с такими формулировками, насколько удобно работать с данной формулировкой убийства правоприменителю. Представляется, что именно таким образом необходимо подходить к любому другому общественно опасному деянию.

Также необходимо обратить внимание на подходы законодателя к уголовно-правовому противодействию наркопреступлениям. Здесь опять по понятным причинам отсутствует полное единообразие, но, по крайней мере, прослеживается унификация в том, что соответствующие уголовно-правовые запреты сконцентрированы в основном в самостоятельных главах Особенной части.

Отмечая отдельные уголовно-правовые запреты, необходимо остановиться на закреплении в Уголовном кодексе Республики Таджикистан самостоятельного уголовно-правового запрета на хищение прекурсоров с

целью производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ. Как представляется, это правильное решение, поскольку прекурсоры стоят обособленной группой от наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов, имеют различное назначение, поэтому и общественная опасность хищения прекурсоров либо хищения наркотиков в собственном смысле этого слова различная! Поэтому есть основания присмотреться к данному законодательному опыту. Применительно к уголовному законодательству Российской Федерации В.А. Шеслер справедливо отмечает, что «более приемлемо предложение об установлении уголовной ответственности за хищение прекурсоров в отдельной статье УК РФ» [8, с. 31].

Также вызывает исследовательский интерес закрепление в Уголовном кодексе Республики Казахстан нормы, предусматривающей ответственность за пропаганду или незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, прекурсоров. Подобные запреты можно обнаружить в других государствах, но предусматривающих административную ответственность за такую пропаганду. Поэтому внимание необходимо обратить на вероятность именно общественной опасности, а не просто вредности таких действий.

В уголовном законодательстве республик Казахстан и Беларусь предусмотрена уголовная ответственность за потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, но при определенных обстоятельствах, например, если такое потребление совершалось в общественном месте. Данный законодательный опыт также представляет научный интерес, но требует дополнительного анализа на предмет возможно существующих проблем правоприменительного характера, социальных последствий, влияния на оздоровление населения.

Таким образом, вышеизложенный материал отражает в известной степени обобщенный анализ уголовного законодательства государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности. Следующим

шагом может выступать более детальное и конкретизированное сравнительно-правовое исследование отдельных уголовно-правовых

институтов, групп преступлений либо единичных юридических положений.

Библиографический список

1. Воронин, В.Н. Характеристика традиционной системы принципов уголовного права: теоретический анализ / В.Н. Воронин // Юридическая мысль. – 2014. – N 2. – С. 68-76.
2. Иванов, Н.Г. Принцип правовой определенности в уголовном праве / Н.Г. Иванов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – N 4. – С. 161-166.
3. Искандари, С. К вопросу о разработке Уголовного кодекса Республики Таджикистан в новой редакции / С. Искандари // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2021. – N 3. – С. 40-45.
4. Пустовойт, Е.С. Методологические основы криминологического изучения наркопреступности в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности / Е.С. Пустовойт // Научный компонент. – 2022. – N 2. – С. 124-130.
5. Рахметов, С.М. Вопросы регулирования принципов уголовного права Республики Казахстан / С.М. Рахметов. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=3ф5012948&pos=6;-109#pos=6;-109.
6. Федоров, А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Армении / А.В. Федоров // Российский следователь. – 2022. – N 2. – С. 74-80.
7. Хилюта, В.В. Уголовное право в эпоху перемен / В.В. Хилюта // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – N 4. – С. 152-159.
8. Шеслер, А.В. Уголовно-правовой анализ состава хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ : учебное пособие / В.А. Шеслер. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – 64 с.